

<sup>1</sup> Антошкин Вадим Константинович, Бердянский университет менеджмента и бизнеса, г. Бердянск, Украина

Received November 1, 2013; Accepted November 28, 2013

**Аннотация.** Изложены системные доказательства эволюционирования коррупции и теневой экономики развитых стран под влиянием и с использованием научно-технологических достижений.

**Ключевые слова:** развитые страны, традиционная экономическая преступность, статистика и теория, признаки эволюции инновационных форм, корпоративная коррупция, киберпреступность, способы контроля и ограничения, мировое сотрудничество.

**Введение.** Изучение природы коррупции в историческом аспекте позволяет выявить определённую эволюцию этого «вечного» феномена. Заглядывая в глубину веков, исследователи однозначно определили феномен коррупции как неразделимо связанный с формированием государств и их разнообразных институтов. Поэтому коррупцию неизменно и справедливо связывают с действиями многочисленных государственных фигурантов. Столь же обоснованно считается, что одним из разрушительных для общественной морали влияний государственной коррупции является её воздействие на зависящих от госчиновничества индивидуумов – людей, обращающихся по разным поводам в структуры местной власти и вынужденных подчиняться неформальным правилам «решения» вопросов. Исследователями убедительно доказано, что в борьбе с этим «вечным» феноменом эффективным средством является демократия и что с повышением её уровня снижается масштаб госкоррупции. Формально такая связь подтверждается статистикой госкоррупции стран мира – в развитых странах её уровень значительно ниже, чем в развивающихся странах и, тем более, в странах Третьего мира. Самое отвратительное её проявление – взятка – в развитых странах находится за пределами общественной морали, и этот факт является действительным достижением их демократий. В связи с этим случающиеся отклонения от нормы рассматриваются здесь как анома-

лии, как печальные примеры распада морали отдельных индивидуумов.

Однако в свете современной мимикрии коррупции в развитых странах похвалы в адрес их демократий могут показаться преувеличенными – с конца XX столетия в них принимают угрожающие масштабы корпоративная преступность, а также индивидуальная преступность с использованием высоких технологий. Возникла, таким образом, актуальная проблема исследования.

**Краткий обзор публикаций по теме.** В экономической литературе вопросами коррупции и социально-экономической безопасности занимаются такие ученые: И. Браславский [4], А. Воин [6], В. Голубев [7], С. Иванишин-Угрин [2], В. Полтерович, В. Попов [1], Д. Сакс [5] и другие.

**Цель статьи.** Необходимо выяснить, как сочетается (и сочетается ли) здоровая общественная мораль развитых стран, в которой индивидуальное неприятие коррупции свидетельствует, якобы, об отсутствии к ней побудительных мотивов, с тем, что некое сообщество «морально безупречных индивидуумов» (работников конкретной компании, корпорации) совершает тяжкие преступления корыстного характера.

Важно установить, является ли корпоративная преступность звеном в эволюции коррупции, то есть не иницируется ли и не прикрывается ли она заинтересованными лицами из власти.

Учитывая сильное влияние церкви на формирование как индивидуальной, так и общественной морали, интересно было бы узнать, насколько прочна вера прихожан (это большая часть населения, включая детей).

Если в проявлениях корпоративной преступности, а также индивидуальной преступности с использованием высокой технологии нет побудительного воздействия госкоррупции, то не является ли этот факт подтверждением традиционно присущего государству отставания в интеллекте, знаниях, умениях его служащих от качественного состава представителей противостоящей стороны?

**Материалы и методы.** Для доказательства зависимости уровня теневой экономики от развитости демократических институтов страны используем статистику последних десятилетий XX века, которая приведена во многих работах этих периодов.

**Результаты и их обсуждение.** Обсуждать возможность наличия такой зависимости в начале второго десятилетия XXI века некорректно, потому что это уже общеизвестный и не требующий доказательств факт. К тому же, современные данные о масштабе теневой экономики в разных социально-экономических системах мира, могут быть сопоставлены с показателями развитых стран прежних периодов для демонстрации возросшего разрыва в этих показателях между развивающимися и развитыми странами [1].

Этот приём помогает также показать, что вплоть до конца XX века теневая экономика во всех странах мира выражалась в традиционных формах (двойная бухгалтерия в учёте произведенной продукции, выплаченной зарплаты, наличного персонала и т.д.). С переходом в XXI век развитые государства повысили уровень контроля доходов компаний и граждан, вследствие чего банальные формы их обмана существенно сократились, однако, «инновационная» мысль компенсировала «утраты» изобретением новых возможностей незаконного обогащения. В результате такой эволюции коррупции и её производных (в частности, корпоративная преступность) общий уровень теневой экономики к 2010–2011 годам изменился незначительно по отношению к последнему десятилетию XX века, но зато существенно увеличилась связанная с теневой деятельностью часть трудовых ресурсов.

Практически по всем странам Африки, Центральной и Южной Америки, Азии пока не представляется возможным оценить теневую экономику монетарным методом, потому что в их денежном обороте используется исключительно наличная валюта, причём, в основном – вне банковской системы. Это обстоятельство даёт многим экспертам основание отождествлять их теневую экономику и государственную коррупцию. По этой же причине делаются предположения относительно неограниченной корпоративной преступности как национальных, так международных компаний, действующих в этих странах под прикрытием коррупционных государственных структур. Есть много поводов распространять эти предположения и на большинство стран Восточной и Центральной Европы.

Во всех постсоветских странах уровень коррупции и теневой экономики за первые пять лет независимости вырос примерно в 3 раза, хотя начальные условия 1990 го года были в них весьма низкими и примерно одинаковыми (исключая Азербайджан и Грузию). Ранее выполненный нами анализ доказывает, что, ориентировочно до 1995 года, этот негатив складывался преимущественно под влиянием традиционных форм незаконной экономической деятельности, но в дальнейшем резко вырос (по экспертным оценкам – до  $\frac{3}{4}$  ВВП) вследствие сложения традиционных и «инновационных» форм.

При небольшой разнице средней величины теневой экономики имеется заметное расхождение показателей по отдельным странам. Объяснение можно найти при анализе соотношения некоторых регуляторных параметров экономической политики членов этой организации: верхнюю часть по уровню теневой экономики составляют страны с наибольшей суммой ставок налогов, а также расходов работодателей и наёмных работников на цели социального обеспечения (Греция, Италия, Испания, Бельгия, Швеция, Норвегия и Дания), а нижнюю – страны с более либеральной нагрузкой на бизнес и работников (Швейцария, Австрия, США и Великобритания).

Под суммарными налогами мы подразумеваем НДС (налог на добавленную стоимость или Value-added tax) и прямые налоги (direct tax). Заметим, что только в США вместо НДС применяется налог на продажи (sales tax). Их совокупность по минимуму имеет место в Швейцарии ( $6,5\%+10\%=16,5\%$ ), а по максимуму – в Греции ( $18\%+11\%=29\%$ ); уровень теневой экономики в этих странах составляет, соответственно, 7,5% (минимальный среди стран ОЭСР) и 28,5% (максимальный в ОЭСР). По этим же странам отмечаются минимальные и максимальные совокупные изъятия из доходов бизнеса и работников: 39,7% и 72,3%. С этими различиями хорошо коррелирует разница в расчётах уровня теневой экономики двумя методами, соответственно, 3,3% и 5,4%.

Это значит, что при усилении фискальной нагрузки на бизнес и работников те и другие пытаются найти адекватные меры для сохранения своих доходов, а методы оценка результатов таких мероприятий начинают давать всё большие расхождения.

В октябре 2011 года специалисты университета Цюриха (Швейцария) выполнили математический анализ связей 43 тысяч транснациональных корпораций и пришли к выводу, что мировой экономикой в реальности управляет одна гигантская «суперкорпорация». Предыдущие исследования этой группы показывали, что сравнительно небольшая часть компаний и банков владеет львиной долей мировой экономики, однако, они не учитывали взаимоотношений корпораций с дочерними компаниями и филиалами. Отсортировав 37 млн. компаний и инвесторов, представленных в базе данных OrbisC от 2007 года, учёные выявили ядро из 1318 компаний, у каждой из которых были установлены теснейшие взаимосвязи с, в среднем, двадцатью другими компаниями.

Соответственно, хотя официальные доходы «центровых» компаний достигают лишь 20% от общемировых, через свои фирмы-сателлиты они фактически

владеют большинством фирм, которые работают в сфере реальной экономики, обеспечивая себе около 60% мировых доходов. Таким образом было установлено, что 147 ведущих компаний реально составляют одну гигантскую общую собственность («суперкорпорация»), поскольку их активы наитеснейшим образом взаимосвязаны между собою и формируют фактически неофициальный финансовый конгломерат, который контролирует более 40% мировой корпоративной собственности. В число ведущей десятки этих компаний входят такие известные, как Barclays, JP Morgan Chase & Co, Merrill Lynch & Co Inc. Из этого факта был сделан вывод, что мы сегодня живём в контролируемом крупным капиталом мире, и наивно думать, что этот капитал не влияет на политику в своих интересах [2].

Исследования корпоративной экономики, выполненные швейцарскими учёными, подтвердили известное наблюдение специалистов и других стран, что времена свободного предпринимательства и продуктивной бизнес-инициативы остались далеко позади и что вернуться в конкурентную рыночную среду, нарисованную А. Смитом, уже физически невозможно в силу многих объективных причин.

В современном высокотехнологичном производстве таланты капиталиста-собственника играют, в лучшем случае, второстепенную роль. Специалистов готовят учебные заведения, технологии и принципы менеджмента разрабатываются институтами, правила деятельности на рынках устанавливаются государством, а уровень производства любого товара зависит не от производственных возможностей, а от платёжеспособного спроса. Сегодня невозможно начать какое-либо крупное дело в одиночку, как во времена А. Смита и даже Г. Форда. Именно поэтому в современном мире тому, кто владеет капиталом, остаётся лишь присваивать львиную долю выручки и направлять её в те отрасли, которые он считает выгодными лично для себя.

Исследование, проведенное американской общественной организацией «Граждане за налоговую справедливость» (Citizens for Tax Justice) и Институтом налогообложения и экономической политики США, показало, что десятки американских корпораций не платили федеральные налоги вообще, а некоторые получали значительные налоговые послабления несмотря на солидные прибыли. В 2008-2010 гг. 30 компаний из списка Fortune (500 крупнейших корпораций в США) имели налоговую нагрузку меньше нуля, а 78 не платили налоги хотя бы один год из трёх. При этом объём налоговых субсидий для них составил 224 млрд. долларов, хотя их суммарная прибыль составила за этот период 160 млрд. долларов.

Средняя налоговая ставка для 280 компаний, чья отчётность была изучена, составила 18,5%, или почти в два раза ниже предусматриваемой законами ставки в 35%. Больше всего субсидий получил банк Wells Fargo – около 18 млрд. долларов; 16,8% всех субсидий пришлось на финансовые компании, что является самой большой долей среди всех отраслей экономики; самая низкая налоговая ставка была у энергосбытовой компании Pepco Holdings, которая по факту получила 57,6% доходов в виде налоговых субсидий [3].

Большинство исследователей считают, что корпоративная коррупция вышла из-под контроля по двум причинам. Во-первых, крупные компании – глобальные (то есть многонациональные), тогда как правительства – национальные. Следовательно, крупные корпорации настолько финансово сильны, что правительства боятся бросить им вызов. Во-вторых, корпорации являются основными источниками финансирования политических компаний, а сами политики часто являются совладельцами ли молчаливыми бенефициарами корпоративных прибылей.

Например, почти половина американских конгрессменов – миллиардеры и миллионеры, и многие из них имели тесные связи с корпорациями ещё до своего прихода в Конгресс. Сейчас на каждого из 535 законодателей (100 сенаторов и 435 членов Палаты представителей) приходится 22 лоббиста, представляющих интересы большого бизнеса (Big Business, BB). Только на военно-промышленный комплекс их работает более 1000; среди них много бывших законодателей – их привлекают не только большие зарплаты, но и возможности сохранения своего влияния. Проталкивание законодателями биллей, переданных им лоббистами, авторы которых – корпорации – уже никого не удивляет. На сайте First Street by CO Press можно найти все необходимые данные о 240 тыс. госслужащих, включая законодателей с их штатами, и 43 тыс. лоббистов вместе с советами по завязыванию связей. Не случайно поэтому, что уголовные преследования корпораций, какие бы вопиющие нарушения законов ими не совершались, заканчиваются денежными сделками с государством [4].

Из наиболее резонансных примеров последнего времени, показывающих силу большого бизнеса, рассмотрим два. Вице-президент в предыдущей администрации США Дик Чейни пришёл в White House с должности генерального директора корпорации Halliburton. Вскоре после вступления им на высшую государственную должность выяснилось, что его компания занималась подкупом правительственных чиновников Нигерии, чтобы получить доступ к нефтяным богатствам этой страны на миллиарды долларов. Когда правительство Нигерии обвинило Halliburton во взяточничестве, компания «урегулировала» дело, заплатив смехотворные 35 млн. долларов штрафа [5].

Однако сама констатация того факта, что аналитическое оценивание масштабов коррупции и теневой экономики показывает гораздо большие их значения, чем официальная статистика, вызывает у экспертов только уныние из-за понимания, что вследствие тесных связей богатства и власти с законом, сдерживать корпоративную преступность крайне тяжело. Исследователи пока безуспешно вызывают к политикам с предостережениями о том, что неподчинение корпораций законам угрожает легитимности глобальной экономики, особенно в условиях растущего неравенства в доходах и бюджетных дефицитах; связывают учащающиеся рецидивы общей экономической преступности с безнаказанностью корпораций за доказанные коррупционные преступления; апеллируют к общественности с призывами шире использовать *блоги и социальные сети*, поскольку надеются, что быст-

рое распространение потоков информации поможет сдерживать беззаконие, коррупцию во власти, корпоративную преступность. Теперь уже и «опытом» развитых стран убедительно доказан давно известный тезис – «коррупция процветает во тьме», и потому избирательности действия законов исследователи пытаются противопоставить коллективную озабоченность гражданского общества [6].

Наши наблюдения дают основание связывать эффективность разных технологий ограничения корпоративной коррупции с возможностью подавления только набирающей силу *инновационной преступности*, или *киберпреступности*. По факту, и корпоративная коррупция и киберпреступность, как относительно «молодые» формы экономической преступности, находятся вне законодательного поля, но если с первой власть бороться *может, но не рискует* (из опасений встречного отпора), то как эффективно бороться со второй, она пока *не знает*. Отсюда мы выводим определённую взаимосвязь между этими современными формами преступности – они в высокой степени инновационны и в значительной мере «повязаны» схожими, хотя и противоположными интересами. Следовательно, если будет найдено эффективное организационно-правовое решение проблемы ограничения первой, то сами корпорации вынуждены будут быстро найти «решение» второй.

По оценкам Федеральной торговой комиссии США, каждая четвёртая семья, так или иначе, столкнулась с утечкой персональных данных; каждый год мошенники похищают личные данные порядка 10 млн. человек – около 3,25% населения.

Для сравнения: в Великобритании ежегодно происходит примерно 100 тыс. случаев хищения личных данных (0,17% населения). Эксперты связывают такое различие в цифрах особенностями европейского и американского законодательства в области защиты персональных данных. В частности, законодательство стран Западной Европы запрещает компаниям делиться персональной информацией с другими организациями – её нельзя ни продавать, ни отдавать задаром; компаниям не разрешается создание и продажа баз данных с адресно-телефонной историей людей.

В Америке всё это дозволено, вследствие чего сами компании часто бывают инициаторами раздачи или даже продажи персональной информации о своих клиентах; процветает инсайдерская торговля персональными данными крупных вкладчиков банков, покупателей дорогих товаров, недвижимости, то есть в этих случаях сами компании уподобляются хакерам и мошенникам, покупающим у хакеров информацию из взломанных ими баз данных. Отсутствие судебно-законодательной практики, запрещающей такую деятельность, поощряет киберпреступность и оставляет без юридической защиты миллионы граждан и тысячи отвергающих её компаний.

Опасности киберпреступности власти США ощутили только после того, как хакерами были взломаны секретные базы данных Пентагона, управления энергетическими и транспортными системами и даже некоторыми АЭС. По сообщениям в США, взломщиками оказались слишком юные «дарования» (студенты университетов и школьники старших классов), чтобы

применить к ним уголовные статьи; но резонанс был достаточным для принятия некоторых практических мер. Пока они касаются только индивидуальных «гениев» и не затрагивают корпоративных киберпреступников.

Совместными усилиями сотрудников Министерства юстиции США, ФБР, университетов и интернет-компаний удалось раскрыть ряд резонансных преступлений в области высоких технологий и довести их до суда. В феврале 2010 года к 13 годам тюрьмы был приговорён хакер из Сан-Франциско Макс Батлер, который создал крупнейший в мире интернет-рынок для продажи украденных номеров кредитных карт. Он напал на банки и центры по кредитным картам по всему миру, вследствие чего потерпевших было очень много. Успех в его разоблачении стал прецедентным благодаря согласованным действиям: интернет-компании выступили в роли свидетелей, изобретатели компании Microsoft создали специальное программное обеспечение, привлечённые эксперты оценивали выявленную информацию, в проекте участвовали иностранные компании и правительства. По итогам этой плодотворной работы в США был создан специальный Центр по борьбе с киберпреступностью.

Полученный опыт помог разоблачить международную группу хакеров (6 граждан Эстонии и 1 гражданин России); они заражали компьютеры вирусами, которые переправляли поисковые запросы на рекламные объявления, а также заменяли рекламу на сайтах, которые посещали пользователи. За это злоумышленники, выдававшие себя легальным агентством, получили 14 млн. долларов. Группировка действовала с 2007 года до октября 2011 года, было заражено более 4 млн. компьютеров в более чем 100 странах; как минимум 500 тыс. заражённых компьютеров, некоторые из которых принадлежали космическому агентству NASA, находились в США [7].

Конечно, подобные технологии применяются и в Украине (в частности, в некоторых банках), но для абсолютного большинства населения ещё недоступны или являются непонятной экзотикой. Однако и эта ситуация – вопрос времени. Соревнование же умов по созданию новых поколений интеллектуальных систем, исключающих «краху личности», будет продолжаться, и лучше включиться в него как можно раньше. Благодаря этому откроется много новых возможностей для полезной деятельности тысяч молодых интеллектуалов, которые из-за неясности своего будущего, растрачивают свои таланты в лучшем случае в качестве «крепостных» в системах *оффшорного аутсорсинга* (outsourcing).

**Выводы.** Таким образом, эволюция коррупции и форм теневой экономической деятельности адекватно отражает успехи научно-технологического современного развития. Исторически обусловленное соревнование Добра и Зла максимально использует новейшие достижения интеллекта, и стало такой закономерностью, которую можно только «перенаправить» в полезную сторону, используя демократические, правовые, организационно-экономические механизмы, стимулирующие полезное научно-технологическое творчество социальные схемы.

## ЛІТЕРАТУРА

### (REFERENCES TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

1. Полтерович В.М. Демократия, качество институтов и экономический рост / В.М. Полтерович, В.В. Попов. – М.: Наука, 2007. – С. 21–22.  
*Polterovich V.M. Democracy, the quality of institutions and economic growth / V.M. Polterovich, V. Popov. – M.: Nauka, 2007. – С. 21-22.*
2. Іванишин-Угриня С. У фокусі Америка [Ел. ресурс] / С. Іванишин-Угриня / Режим доступу: <http://www.chasipodii.net/article/9262/>.  
*Ivanyshyn-Ugrina S. In the focus of America [El. resource] // S. Ivanishin-Ugrina / access Mode.: <http://www.chasipodii.net/article/9262/>.*
3. 30 крупнейших американских компаний не платили налогов 3 года [Эл. ресурс] / Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/11/03/avoid>.  
*30 major us companies did not pay taxes for 3 years [El. source] / access Mode : <http://lenta.ru/news/2011/11/03/avoid>.*
4. Браславский И. Иначе – как сохранить Америку?! / И. Браславский // Kontinent media group. – 2011. № 43. – С.2.  
*Braslavsky S. Otherwise – how to save America! / I. Braslavsky // Kontinent media group. – 2011. № 43. – С. 2.*
5. Сакс Д. Хвиля корпоративних злочинів / Д. Сакс // Українське слово. – 2011. – № 22. – С. 2–4.  
*D. Sachs Wave of corporate crime / A. Sachs // Ukrainian word. – 2011. – № 22. – С. 2-4.*
6. Воин А. О законах, законности и справедливости / А. Воин // Obzor. – 2011. – № 43. – С. 4.  
*Warrior A. On the law, legality and justice / A. Warrior // Obzor. – 2011. – № 43. – С. 4.*
7. Голубев В. Компьютерная преступность [Эл. ресурс] / В. Голубев. – Режим доступа: <http://cybercrime.report.ru/default.asp?pagebegin=21&pageno=21>.  
*Golubev Century Computer crime [Electronic resource] / Century Golubev. – Mode of access: <http://cybercrime.report.ru/default.asp?pagebegin=21&pageno=21>.*

### **Antoshkin V.K. Evolution of forms of corruption and socio-economic security**

**Abstract.** Outlines the system of proof of evolution of shadow economy and corruption in developed countries, under the influence and using scientific and technological achievements.

**Keywords:** developed countries, traditional economic crime, statistics and theory, characteristics of the evolution of innovative forms, corporate corruption, cybercrime, ways to control and restrictions, global collaboration.